

Плейлист

*составлен Люси из саундтреков к фильмам,
которые они смотрели вместе с Дином*

Huey Lewis & The News – The Power of Love

Bill Medley & Jennifer Warnes – (I've Had) The Time of My Life

Patrick Swayze, Wendy Frazer – She's Like The Wind

Justin Hurwitz, Ryan Gosling, Emma Stone – City of Stars

Aerosmith – I Don't Want To Miss A Thing

Bryan Adams – (Everything I Do) I Do It For You

Berlin – Take My Breath Away

Roxette – It Must Have Been Love

Righteous Brothers – Unchained Melody

Beck – Everybody's Gotta Learn Sometime

Connie Francis – I Will Wait For You

Audrey Hepburn – Moon River

Mandy Moore – Only Hope

- 1 -

Люси

— Не могу поверить, что ты сделал это... — доносится голос матери из гостиной.

— Поэтому я и не хотел говорить тебе, — раздражается отчим. — Потому что ты вот так реагируешь на любую мелочь — неадекватно!

— Мелочь? Мелочь, Роберт? Да ты оставил нас без денег... Махинации с ценными бумагами — я до сих пор не могу в это поверить! И как тебе в голову пришло? И почему для этого нужно было использовать мои накопления?!

— Я ухватился за возможность подзаработать денег только ради нашей семьи! Вложи одну сумму, получи другую — вдвое больше. Эта схема казалась такой надежной...

— Теперь мы потеряем дом! — В голосе матери слышится отчаяние.

На мгновение воцаряется тишина.

— Не переживай, дорогая, я придумаю, где раздобыть средства на выплату по закладной, — вдруг смягчается голос отчима.

Я морщусь, представляя, как он обнимает ее и притягивает к себе, чтобы погасить ссору.

— А как же Люси? — жалобно спрашивает мама. — Я откладывала деньги на ее обучение...

— Твоя дочь питается учебниками на завтрак, обед и ужин. Не волнуйся, такой смышленной малышке всегда найдется местечко в колледже. А не выгорит — поработает годок в закускойной у Виктора, узнает, что такое настоящая жизнь, где нужно пахать, чтобы заработать на кусок хлеба. Мечты об ученой степени и будущей карьере только отдаляют ее от реальности и расхолаживают.

— Но она это заслужила, Роберт! — вспыхивает моя мать.

Я надеваю наушники, чтобы не слышать продолжение этого разговора. Играет Justin Hurwitz, Ryan Gosling, Emma Stone — City of Stars. Великолепно. Так трогательно и нежно.

Мне надоели крики.

С тех пор как Роберт поселился в нашем доме, ссоры стали привычным звуковым сопровождением будней. Мать кажется вымотанной этим эмоциональным безумием, но теперь она хотя бы живет: ведь после смерти отца еще три года ходила с отсутствующим взглядом и почти не разговаривала.

Я тогда, понятное дело, переживала не меньше. Когда отец погиб в аварии, мне было всего тринадцать, и мне тоже нужно было внимание, но приходилось быть сильной за двоих и поддерживать маму, ведь она практически ушла в себя.

Сейчас мне семнадцать, и мама немного оправилась после утраты, но и теперь ее внимание направлено куда угодно, только не на меня.

Я качаю головой в такт музыке и тихо напеваю. Не хочу, чтобы кто-нибудь услышал.

Я бросила занятия вокалом сразу после смерти отца, и теперь пение под негласным запретом: оно словно бы означает, что у меня все хорошо, но

- Другие Мы -

ведь я все еще скорблю по папе. «Просто улыбнись, и день станет лучше, — говорил он. — А если споешь мне, это будет самый лучший день и у меня».

Папа тогда спешил на мое выступление на школьном концерте. Он очень хотел услышать, как я пою арию Гризабеллы из мюзикла «Кошки».

С того дня я больше не пою на людях. Не могу. В горле встает ком, глаза щиплет от слез, а грудь сдавливает тяжестью. Пою я теперь только вполголоса и когда никого нет рядом.

— Люси?

Я оборачиваюсь, сдираю наушники. На пороге стоит мама, раскрасневшаяся от переживаний.

— Да?

— Ты уже собралась в поездку? — Она спешит ко мне.

— Угу. — Я киваю на маленькую сумку, на дне которой лежат один комплект сменной одежды, паспорт и несколько смятых купюр. — Там и собирать-то нечего, консультант по перемещениям предупредила, что взять с собой в путешествие мы можем не более полутора килограммов вещей. Все необходимое нам предоставит отель принимающей стороны.

— Ну-ка погляди на меня, — требует мама, приближаясь. Пальцем приподнимает мой подбородок и заглядывает в глаза: — Что это с тобой, Люси Кобер? Ты не рада, что отправишься вместе с классом на другой конец света в один из лучших отелей мира?

— Рада, — вяло отвечаю я.

И поджимаю губы. Мне с трудом удастся выдержать ее взгляд.

— Экскурсии, отдых на пляже, веселье с друзьями! Так где же твоя улыбка?

Она так хочет казаться беззаботной, что ее собственная улыбка получается вымученной и фальшивой.

— Ты же знаешь, — вздыхаю я. — Эта поездка нам не по карману.

— Но ведь господин Вильчек сказал, что оплатит поездку всему классу? — Мама склоняет голову набок.

— Да. Но, будь такая возможность, я обменяла бы поездку на ее денежный эквивалент. Это перемещение стоит как наш дом! Если не больше.

— Тогда тем более нужно воспользоваться шансом.

— Но... — Я прикусываю губу.

— Ох, ты все слышала, да? — качает головой мама и поглаживает меня большим пальцем по щеке.

— Вы не очень-то старались тихо разговаривать.

— Прости, милая, — вздыхает она. — Дела у нас с Робертом в последнее время складываются... не совсем удачно. И есть вероятность, что мы лишимся этого дома. Конечно, мы этого не допустим, но...

— Ничего. — Мои губы немеют в попытке улыбнуться. — Купим квартирку на окраине.

— И те деньги, которые мы с отцом откладывали на твое обучение... — Мама сглатывает и мучительно возносит взгляд к потолку.

— Ничего, — повторяю я. — Уверена, у меня получится выиграть грант на обучение.

— Боже, мне так стыдно, Люси, — всхлипывает она, заключая меня в объятия. — Твой отец никогда бы мне не простил.

— Мы справимся, мам, — утешаю ее я. — Это просто деньги. Всего лишь деньги.

Я вижу свое бледное лицо в отражении зеркала, и у меня кружится голова. «Подумаешь, учеба в уни-

- Другие Мы -

верситете. Это всего лишь мечта всей моей жизни». Но я не говорю этого вслух, чтобы она не чувствовала вину, ее нервы и так расшатаны. Не хочу ранить маму еще больше.

— Прости меня, Люси, — шепчет она.

— Все будет хорошо, — обещаю я, хотя не могу знать наверняка. — Ну все, мне пора.

— Счастливо тебе отдохнуть, — бормочет мама, когда я высвобождаюсь из ее объятий.

— Непременно, — заверяю ее я.

Разве может быть что-то счастливое в путешествии на другой конец земли в компании того, кого я не выношу? Да у меня мурашки по всему телу от одной только мысли о том, что придется целую неделю провести с Дином на побережье. С нами будут одноклассники, но даже это не приносит мне утешения.

От предчувствия чего-то недоброго у меня неприятно холодит в груди.

-2-

Когда я выхожу на крыльцо, мой взгляд невольно падает на дом Вильчеков — он располагается прямо напротив нашего, через дорогу. Даже сквозь забор видно, как двухэтажный особняк светится в тумане ранних сумерек проемами широких окон, а территория вокруг него сверкает десятками фонариков, которыми украшены подъездные дорожки.

Говорят, Вильчек-старший уже подыскивает себе дом на побережье — тот будет в разы больше и, разумеется, дороже: с бассейном, усиленной охраной, множеством спален. Оно и понятно, с тех пор как Брэд Вильчек запатентовал и поставил на поток свою технологию перемещения в простран-

стве, он стал важной шишкой, а его доходы увеличились в сотни раз.

По всему миру уже открылось шесть гейтов для телепортационного туризма, а правительства других стран предлагают огромные деньги за использование этой технологии на своих территориях. Если бы не военные, которые тут же подключились к контролю, нормированию потоков, направлений и количества таких коммерческих перемещений, наш гениальный сосед давно уже стал бы властителем мира.

Если честно, я удивляюсь, что он до сих пор не перевез свою семью куда-нибудь подальше из Брайт Фоллз — теперь он может купить вообще весь этот городишко. А может, и весь Шеллей Парк, пригородом которого Брайт Фоллз является.

Наверное, загвоздка в том, что головной офис «Вильчек Транспортинг» находится недалеко от атомной электростанции, что в паре километров за нашим городом. Там Брэд и начинал свою карьеру ученого, а затем он возглавил станцию, став руководителем атомной отрасли, доказал и применил на практике свою теорию перемещений, из-за чего теперь о нем знают во всем мире.

Четыре года назад Брэд Вильчек развелся с женой, и теперь он живет в этом большом доме вдвоем с сыном — с Дином. Дину семнадцать, и мы учимся в одной школе. Каждый раз, думая об этом парне, я внутренне содрогаюсь, потому что когда-то знала его другим. И лучше бы мне забыть о том милом мальчишке из соседнего дома... Ведь теперь все изменилось.

Изменился и он.

Этот парень, каким Дин стал сейчас, мне совершенно незнаком. Поэтому я предпочитаю не вспоминать о тех временах, когда мы дружили.

- Другие Мы -

Если это была она, разумеется. Потому что уж кто-кто, а Дин Вильчек умеет притворяться лучше всех — особенно если ему что-то нужно. Толпы брошенных им девчонок не дадут соврать: когда Дин чего-то хочет, он может быть и обходительным, и милым.

Но только не со мной.

Для меня у него припасены лишь три эмоции: презрение, брезгливость и безразличие. Обычно он их чередует. А я отвечаю ему взаимностью. Но по большей части мы делаем вид, что не замечаем друг друга. Я отворачиваюсь, когда он идет мне навстречу по школьному коридору, а во вселенной Дина меня и вовсе не существует: я — мутное пятно перед его глазами, невидимка, пустое место, которое, конечно же, проще игнорировать, чем живого человека.

Но только не сегодня.

Я слышу шум мотора где-то в отдалении, позади себя. И как раз в это время, задумавшись, притормаживаю возле небольшой лужи, чтобы полюбоваться лепестками сакуры, которые скользят по водяной глади, точно маленькие лодочки цвета маршмеллоу. Это так красиво, что захватывает дух.

Но шум нарастает, взрываясь ревом двигателя, и уже через пару секунд спортивный кабриолет на скорости пронесется мимо меня, взрезая шинами лужу и поднимая сотни брызг.

— У-у-у! — торжествующе улюлюкают парни и поднимают вверх кулаки.

— Черт... — стону я, оглядывая юбку, покрытую грязными каплями.

Поворачиваюсь в сторону удаляющегося кабриолета.

— Хорошо освежилась? — хохочет патлатый Артур Хойе, свешиваясь назад.

— «Зачет» за бодрящий душ для зубрилы! — отбивает ему пятерню бритоголовый Винс Капелла, еще один закадычный дружок Дина из компании «отбитых на всю голову», как зовут их в школе.

И только Дин, сидящий за рулем, даже не оборачивается. Он поправляет светлые волосы пижонским жестом и продолжает расслабленно вести автомобиль, с ревом уносящийся вдаль.

— Козлы, — тихо, почти без эмоций говорю я, глядя, как автомобиль исчезает за поворотом.

«Как же мне все это надоело!»

Все в школе терпят их выходки только потому, что боятся. Считают дни до выпускного, чтобы уйти и забыть эти издевательства словно страшный сон.

Девчонкам, надо признать, достается меньше — гадкие выкрики вслед или пошлые шутки, а вот некоторые из парней страдают от банды особенно: на прошлой неделе эти трое бросили в мусорный контейнер вещи Марка Дэвиса, паренька из научного кружка, а два дня назад заставили Якоба Строщи, безобидного тощего очкарика, быть их корзиной для игры в баскетбол — он вытянул руки кольцом, а те швыряли в него мячи, пока не разбили парню губу.

Дин, Артур и Винс — ключевые игроки сборной нашей школы по хоккею с мячом, но им не поэтому все сходит с рук. Говорят, отец Дина улаживает любые возникающие конфликты.

В прошлом месяце, когда эта троица забралась ночью на территорию школы и устроила вечеринку с выпивкой, скандал тоже быстро замяли. Ведь теперь у Брэда Вильчека есть деньжата, связи и влияние, и его сын почувствовал безнаказанность и окончательно сорвался с цепи.

- Другие Мы -

К слову, о деньгах и связях. Думаю, путешествие перед выпускным, которое устроил отец Дина для всего нашего класса, стало откупом от дирекции школы. В любом случае, ребята считают, что им очень повезло получить такой шанс, ведь телепортационный туризм хоть и появился год назад, но все еще доступен лишь самым богатым.

Так что и мне, как говорит мама, следует смотреть на это как на редкий шанс получить уникальный опыт. И не стоит отказываться из-за того, что какие-то придурки окатили меня грязной волной из лужи.

Я отряхиваю юбку и плетусь дальше.

К мокрым носам кед десятками липнут светло-розовые лепестки сакуры — красивый тюнинг для старой потертой обуви. Вообще вся улица выглядит волшебно: дорога укутана бледно-розовым снегом лепестков, а возле стен домов собираются целые сугробы из них. И я люблюсь этим великолепием, мысленно гадая, сколько же раз Дин путешествовал в другие уголки планеты благодаря изобретению своего отца? Два? Пять? Десять?

Наверное, даже не переживает, как все пройдет. А для меня это впервые, и даже немного подташнивает от волнения.

Казалось бы, чего сложного? Ступил в специальную рамку, закрыл глаза, а когда открыл их — ты уже за тысячи километров от дома, где еще только восходит солнце. Но так говорит реклама, а что же на самом деле?

Я пыталась тщательнее изучить вопрос, но, по правде говоря, в интернете и специализированной литературе столько противоречивой информации — и в основном различные теории ученых со всего света.

Согласно одной из них, если хоть один параметр изменится на микрон во время перемещения, то ДНК перемещаемого может быть расщеплена! Не хотела бы я стать той, кто проверит эту теорию на себе.

Тем временем в Брайт Фоллз продолжает смеркаться. Улицы парка, через который я прохожу, погружаются в синюю пелену, но на лавочках, заваленных светлыми лепестками, продолжают мило ворковать влюбленные. Рядом — компания ребят на роликах взяла мороженое и бабл ти и несется через всю аллею так быстро, что мне приходится ступить на бордюр, чтобы пропустить их.

В книжном на площади вдруг гаснет свет: девять вечера — пора закрываться. Цветы в кадках сжимают головки, готовясь ко сну. На заборе у недостроенного спорткомплекса команда стрит-художников заканчивает работу над ярким граффити, а седой старичок, который целый день торгует букетами из собственного сада возле ворот городского парка, собирает складной стульчик и вешает на плечо, чтобы отправиться домой.

Я останавливаюсь у кофейни «Шоколадный водопад», в которой подают самый вкусный в Брайт Фоллз горячий шоколад и десерты. Здесь мы договорились встретиться с Мартиной. Мы дружим уже три года, и все это время она не устает ругать эту кофейню за то, что та постоянно забита подростками, приходящими скоротать там пару часов за кофе и милкшейками или прогулять уроки.

Моя подруга терпеть не может такие «правильные» места и с большей радостью провела бы время на шумной тусовке, где все убитые в хлам, или, наоборот, в тишине городского кладбища, где уж точно не встретишь знакомых. За эти странности я ее и люблю.

- Другие Мы -

— Место — отстой, — кривится она, появляясь в дверях с двумя стаканчиками напитков навынос. — Но лимонад у них что надо! Держи.

Ее глаза густо подведены черным, острый ежик волос блестит от лака, а толстовка покрыта таким количеством дыр, что кажется, будто ткань изрешетили из автомата. Мартина вновь не изменяет себе — она обожает, когда все смотрят на ее внешний вид, и еще больше тащится, если люди начинают округлять глаза и охать.

— Я думала, ты никогда не зайдешь внутрь, — улыбаюсь я.

— Сегодня же особенный день, — удивляется Мартина, протягивая мне стакан. — Эта стремная поездка к океану! И кто только придумал все эти отстойные мероприятия типа выпускного или путешествий с классом?

— Тоже боишься этой штуковины для телепортации?? — усмехаюсь я.

— До усрачки, — признается она, прикусывая губу. Во рту у нее мелькает стальное колечко пирсинга. — Но мать сказала, что нужно воспользоваться шансом, и все дела.

— Понимаю. Моя говорит то же самое.

— Мы что, не могли просто съездить на экскурсию в университет?

— И как бы тогда отец Дина смог блеснуть перед жителями Брайт Фолз своей крутостью? — смеюсь я, забирая у нее стакан. — Спасибо, что позаботилась обо мне.

— Не стоит. Ой... — Мартина меняется в лице. — А что с твоей юбкой?

Я отвожу взгляд на витрину кофейни, где за стеклом виднеются столики, заполненные посетителями. Внутри опять одни подростки: сме-

ются, едят лимонные пироги, пиццу, пьют коктейли.

— Так, — отмахиваюсь. — Шла по обочине, не успела отойти вовремя.

— Дай догадаюсь. — Подруга разворачивает меня к себе: — Опять Дин и его свора придурков?

— Уверена, они меня не заметили.

— *Как же*, — качает головой Мартина. — Ну, я им покажу!

— Лучше не нарываться, — тихо прошу я.

— Сейчас мы быстро замоем пятна на твоей юбке, — командует она, утягивая меня за собой в кофейню, — а затем в школу. Будь уверена, я придумаю, как отомстить этим накачанным затупкам!

— Мы и так уже опаздываем, — спохватываюсь я. — Сбор в девять.

— Тут бежать три минуты, сначала приведем тебя в порядок, чтобы они не радовались.

— Тогда я лучше надену сменные джинсы, которые взяла с собой.

— Мы едем к океану, а ты взяла *джинсы*? — толкая дверь в уборную, изумляется Мартина.

— А что? — хмурюсь я.

— А бикини взяла?

— Думаешь, я разденусь при всех?

— Ну ты и зануда, Люси Кобер! — хохочет она.

-3-

Когда мы подходим к школе, наши одноклассники уже занимают места в автобусе, стоящем у входа.

— Алина, Лео, Флора, — отмечает по списку учительница, госпожа Йордаль. — Так, а где еще четверо?

- Другие Мы -

— Мы здесь, — отзываюсь я, спеша к автобусу.

Приходится тянуть подругу за руку, ведь та еле шевелит ногами: ей плевать, что мы задерживаем остальных.

— Люси, Мартина, — ставит галочки в списке госпожа Йордаль. Затем оглядывает нас и строго предупреждает: — Девушки, постарайтесь сделать так, чтобы покончить с напитками до прибытия в лабораторию.

— Хорошо, — послушно киваю я.

— И не переборщите с лимонадом, а то обмочите штанишки во время перемещения! — звучит визгливый голосок из приоткрытого окна автобуса.

Я сразу узнаю его — это Саша Ким.

Звезда школьной самодеятельности и затычка в каждой дырке. Не спорю, девчонка хороша собой: миниатюрная, стройная, с хитрыми раскосыми глазками и длинными волосами цвета воронова крыла, и мне до нее ой как далеко. Но и ее природных талантов явно недостаточно, чтобы быть первой во всем, к чему она стремится, — и петь, и танцевать, и быть ведущей школьных мероприятий и лидером шайки самых популярных учениц школы.

Хотя усердия у Саши не отнять: везде, где можно засветиться и блеснуть, она светит и блещет. Вот как сейчас — перетянула все внимание на себя. Одноклассники смеются и свистят.

— У тебя какие-то проблемы с недержанием? — усмехаюсь я, бросив на нее взгляд через окно. — Иначе бы тебя так не беспокоила эта тема.

Автобус взрывается новым смехом, а госпожа Йордаль знаками призывает всех к спокойствию:

— Ребята, пожалуйста!

— Что ты вякнула, тупица? — слышится из окна. Это — мне, не учительнице.

— Занимайте места, — мягко напоминает нам госпожа Йордаль, вздохнув.

С гулко бьющимся сердцем я поднимаюсь в салон. И, едва замечая свободные места сразу за водителем, у меня будто камень падает с души: как хорошо, что не придется сидеть рядом с Ким.

— Что, отрастила зубки, сиротка? — останавливает меня ее издевательский тон.

— Тебя и это беспокоит? — бросив на нее короткий взгляд, негромко отвечаю я.

— У-у-у! — гудят ребята.

Им явно по вкусу намечающаяся заварушка. Еще бы: тихоня впервые открыто бросает вызов признанной королеве.

— Радуюсь за тебя, — смеется Саша. — Этими самыми зубками тебе придется прогрызть себе путь наверх — из этого болота. А пока наслаждайся поездкой: вряд ли тебе когда-нибудь еще подвернется такая возможность!

Я оборачиваюсь и награждаю ее долгим, тяжелым взглядом.

— Можно я начищу ей рыло? — шумно выдыхает Мартина, стоящая за мной в проходе.

— Не стоит, — я придерживаю ее рукой.

— Знай свое место, зубрила, — посылает мне воздушный поцелуй Саша.

Они сидят на последнем ряду вчетвером: она, Дин, Винс и Артур. Саша смеется, игриво наклоняясь на плечо Дина, — знает, что, если ситуация накалится, он не даст в обиду свою девушку. Да никто и не решится выяснять отношения с девушкой Вильчека. И пусть она всего лишь одна из ряда счастливиц, которым повезло проводить

- Другие Мы -

с ним время, но все же задержалась подле него дольше других — целых три месяца, настоящий рекорд.

— Все правильно, — отвечаю я тихо, и голоса смолкают: каждому хочется услышать, что я ей отвечу. — Мне еще предстоит найти свое место. — И с легкой улыбкой добавляю: — А вот тебе гораздо проще. Ведь главное в жизни барана — занять свое место в стаде, так?

Салон автобуса взрывается смесью визга и хохота, но смысл моих слов доходит до Саши только спустя пару-тройку секунд.

— Ах ты... — прорывается подняться она, но Дин, придержав за локоть, осаживает ее.

Он что-то шепчет ей на ухо, и Саша возмущенно сжимает челюсти. Я оборачиваюсь к Мартине, та показывает Ким средний палец.

— Все, хватит, — прошу я подругу и подталкиваю ее к сиденью.

Мартина садится у окна, я — рядом.

— Ты мне за это ответишь, — шипит с последнего ряда Ким.

Я оборачиваюсь, но смотрю не на нее. Мы сталкиваемся взглядами с Дином.

Его лицо напряжено, скулы резко очерчены, он кажется раздраженным и смятенным одновременно. Неудивительно, никто не ожидал, что я стану отвечать этой выскочке, для меня всегда было проще робко опустить взгляд и пройти мимо.

Но мне уже нечего терять: конец учебного года, скоро выпускной, и мне не придется быть изгоем еще целую вечность. Через две недели каждый из нас пойдет своей дорогой, и мы больше не увидимся. Ни с Сашей, ни с ним.

— Это ты тупая овца! Поняла, да? Ты! — продолжает шипеть Саша.

А я не могу оторваться от голубых глаз Дина: они не холодны, как обычно, в них сверкают искорки интереса.

— Серость! — не унимается его подружка, тоже теперь показывая нам нецензурные жесты. — Дрянь!

Винс поддерживает ее аплодисментами, ему явно по вкусу девчачьи разборки.

А я смотрю на пухлые губы Дина, изогнувшиеся в ухмылке. На его длинный нос с озорными веснушками, которыми раньше было обсыпано все его лицо. Смотрю на его новую стрижку — короткую по бокам и рваными, фактурными прядями уложенную на макушке. И как будто вижу на мгновение в этом образе следы мальчишки, с которым дружила когда-то в детстве.

Но этот образ быстро ускользает — едва Дин прищуривает глаза и отбивает мой взгляд словно хлыстом: «Пошла прочь!»

Я отворачиваюсь и делаю глоток лимонада. В груди все еще клокочет от возмущения и волнения.

— Горжусь тобой, — протягивает мне руку Мартина.

— Ага. — Я пожимаю ее. — Спасибо.

— Боже мой, нужно отбить, Люси! — хохочет она, высвобождаясь из моей хватки. — Вот так.

Теперь я отбиваю ей «пять», как полагается.

— Ты действительно проводишь слишком много времени с книгами!

— Дин пострится, — зачем-то говорю я вслух.

Мартина без раздумий оборачивается и смотрит на них, затем тут же отворачивается.

- Другие Мы -

— Точно, а я и не заметила.

В щеки ударяет жар. Надеюсь, мое замечание не выдало мой интерес к нему.

— Отрастит бородку и усы, и тогда его точно перестанут путать с девчонкой! — добавляет Мартина.

И мы смеемся. Мне снова приходится дать ей «пять» за удачную шутку.

— А вот и те, кому повезло меньше, — вдруг вздыхает она, когда в автобус поднимаются Марк Дэвис и Якоб Строщи.

— Почему?

— Им придется сесть перед Дином, там два последних свободных места.

— О нет, — тянет Марк, качая головой.

— Черт, — закусывает губу Якоб.

Теперь парнишки и сами поняли, что влипли. Но выхода нет. Вздохнув, они медленно тащатся на галерку. Компания Дина встречает их радостным улюлюканьем.

— Не хотела бы я выковыривать из волос бумажные шарики, которыми Винс с Артуром будут в них плевать, — вздыхает Мартина, сочувственным взглядом провожая ребят.

— К счастью, у Якоба короткая стрижка.

— Но не у Марка.

— Значит, для Якоба они придумают что-то более изощренное.

И мы оказываемся правы. Когда автобус подъезжает к зданию «Вильчек Транспортинг», оказывается, что шорты Якоба намертво прилипли к сиденью. И, вместо того чтобы сбежать, паренек получает подзатыльники по очереди от каждого из компашки Дина, кто покидает салон. Винс ударяет так, что с Якоба слетают очки.

Мне хочется вступить за парня, но я должна спасти свою шкуру.

Мы выходим из автобуса и скрываемся в здании, прежде чем Саша успевает нас догнать и сделать какую-нибудь возмутительную пакость.

-4-

Дин

— Пусти!

— Зачем? Что ты хочешь сделать? — Я с силой сжимаю запястье Саши и рывком притягиваю ее к себе. — Вцепишься ей в волосы?

Саша непонимающе смотрит на меня:

— Хочешь, чтобы ей сошло это с рук? Ты же слышал, как она со мной разговаривала!

— А ты сама? — напоминаю я, обнимая девушку за талию. — Забыла, кто первый начал?

— Ты что, ее защищаешь? — вспыхивает она.

Мы останавливаемся, и я притягиваю Сашу к себе еще крепче.

— Нет. Я просто не хочу, чтобы моя девушка выглядела идиоткой, сцепившись при всех в кулачном бою с одноклассницей. Этот инцидент может сорвать нам поездку в Вивенду, — объясняю я, наклонившись прямо к ее уху и понизив голос. — Ты же помнишь, мы собирались весело провести там время?

Моя рука крадется по ее спине вниз и останавливается на хорошенькой, круглой попке.

— Я видела, как ты пялился на нее, — шипит Саша, скидывая с себя мою руку и отходя на шаг. — Не могу поверить, что тебе могла понравиться эта тупица, которая строит из себя недотрогу!

- Другие Мы -

— Не могу поверить, что тебе могло прийти такое в голову, — сердито бросаю я, но все же отвожу на секунду взгляд.

— Ты *смотрел* на нее, — ухмыляется моя девушка, складывая руки на груди.

Похоже, она только что обнаружила одно из моих слабых мест и рада этому.

— Я смотрел перед собой. Или мне нужно было отвернуться? — злюсь я. — А может, ты решила, что если мы встречаемся, то у тебя появилось право указывать мне, на кого смотреть?

Саша понимает, что перегнула палку, и быстро исправляется:

— Ну ладно. Ладно. Просто эта зубрила вывела меня из себя... — Девушка вновь льнет к моей груди. — Я не хотела на тебя наезжать, прости, Дин.

Саша вытягивает губы для поцелуя, но я устало отворачиваюсь. Мне хочется проучить ее: никто не смеет указывать мне или заявлять права на мою свободу.

И тут, как назло, мой взгляд снова падает на Люси, входящую в здание лаборатории. Классического кроя джинсы, темная водолазка под горло, скучный жилет с нашивкой в виде герба школы — она вообще интересуется модой?

— Ну прости-и-и, — тянет Саша, поглаживая мой подбородок.

От нее пахнет модным, незаурядным парфюмом. Что-то пряное, дерзкое. Полынь, кажется. Мята. Еще лимон. И все это в одночасье сменяется легким послевкусием табака и кофе. Она вообще всегда на стиле: от кончиков ногтей до кончиков волос, а я почему-то провожаю взглядом Люси Кобер, которая концентрирует в себе все, что меня обычно раздражает. Мои мысли необъяснимым образом крутятся вокруг идеи: как же она может пахнуть.

Бьюсь об заклад, что это что-то фруктовое: гранат, мандарин. Или цветочное — например, пион. Что-то утонченное, романтическое. Даже не духи, может, просто гель для душа. Мне кажется. Кажется...

— Дин! — заглядывает мне в лицо Саша.

Люси припадает губами к коктейльной трубочке, делает глоток из стаканчика, а затем что-то говорит своей подруге-неформалке с густо обведенными черными глазами. Они смеются, и Люси откидывает голову назад — так, что ее темно-русые волосы длиной до линии подбородка взлетают в воздух, а затем красивой густой шапкой приземляются обратно. Она убирает непокорные пряди за ухо и...

— Дин!

— Что? — Я опускаю на Сашу раздраженный взгляд.

— Давай не будем ссориться из-за этой зануды Люси Кобер, — предлагает она.

— Люси, или как там ее, — пустое место для меня, запомни. — Я обнимаю Сашу за талию и тяну ко входу в здание. — Советую и тебе относиться к ней так же.

— Но ты ведь слышал, что она мне сказала? Неужели я должна так это и оставить? — опять заводит свою шарманку Саша.

— У тебя еще будет время разобраться с ней — например, в Вивенде, где мы проторчим целую неделю, — пытаюсь отвлечь ее я.

— А ты уже был там? — оживляется она.

— Ничего особенного. Как на любом другом южном курорте.

Мы предьявляем на входе наши школьные пропуска и билеты на перемещение, и охранник пропускает нас внутрь.

- Другие Мы -

— Как же я завидую тебе, Дин! — восторженно оглядывая ярко освещенный холл, восклицает Саша. — Твой отец — владелец компании, и ты можешь путешествовать по миру хоть каждый день! В любую точку!

— Не в любую. — Не без доли раздражения мне приходится объяснять ей очевидные вещи: — Маршруты пока ограничены количеством принимающих гейтов: их всего шесть. Но если правительство не будет препятствовать расширению деятельности компании, то у «Вильчек Транспортинг» появится возможность открыть гейты по всему миру.

— Я же говорю! — от радости подпрыгивает Саша. — Тебе так повезло! — Она крепко сжимает мою руку, чтобы привлечь внимание. — Расскажи, как это? Что чувствуешь, когда перемещаешься в пространстве? Сколько раз ты уже путешествовал? Говорят, не все хорошо переносят телепортацию: кого-то может стошнить прямо во время переноса!

— Слухи преувеличены, — отвечаю я, отыскивая взглядом друзей. — Ты даже не поймешь, как окажешься в гейте принимающей стороны. Это как вспышка света, не более. Эй, Винс! — Я машу ему рукой.

Пока Винс и Артур направляются к нам, я высвобождаюсь из объятий Саши:

— Слушай, побудь пока с парнями, мне нужно проведать отца.

Не дожидаясь ее ответа, разворачиваюсь и иду к лестнице, ведущей на второй этаж. Посторонним ходить туда запрещено, но охранник меня узнает и, взяв под козырек, гостеприимно пропускает через турникет.

Поднимаясь по ступеням, я бросаю взгляд вниз, на холл, где шумно толпятся мои одноклассники,

ожидающие перемещения, словно какого-то чуда. И только в этот миг я вдруг осознаю, что завидую им, ведь для них это событие, а моя жизнь настолько пресна, что мне каждый день приходится придумывать что-то новое, чтобы ощутить забытое чувство восторга.

Да что там, я только что соврал про визит к отцу, чтобы избавиться от собственной девушки, которая, честно говоря, уже до смерти мне наскучила. Саша, конечно, красива, но... как бы мягче это сказать, не слишком-то сообразительна.

Да, с ней прикольно тусоваться, но совершенно не о чем разговаривать, когда мы остаемся наедине. Я раздумывал, не расстаться ли с ней после путешествия или выпускного, и теперь лишь уверился в этом желании. К тому же она начала показывать свой характер, а я не выношу, когда кто-то пытается меня воспитывать.

Прохожу мимо кабинета отца и иду в уборную. Включаю кран, зачерпываю полные ладони воды и умываю лицо. Смотрю на себя в зеркало и злюсь на того, кого там вижу.

Мне кажется, я ненавижу весь мир: мать, которая бросила меня, когда мне было тринадцать, — за то, что даже не пыталась бороться с отцом, запрещавшим нам видеться после их развода, отца, который после смерти моего брата изменял матери и разрушил нашу семью. И Люси.

Гребаную Люси Кобер!

За то, что притворялась другом, а потом наплевала на все, что нас связывало.

И да — я ощущал себя победителем, время от времени погашая счет своих к ней обид мелкими пакостями, но больше всего мне нравилось притворяться, что Люси больше нет в моей жизни.

- Другие Мы -

Если не смотреть на нее, не слышать ее голоса, то она как бы и не существует. Если не замечать ее присутствия в классе, то можно тешить себя надеждой, что она уязвлена моим игнором. Но сегодня Люси бросила вызов — и даже не Саше, мне. То, как она говорила, как смотрела в глаза — дерзко, презрительно, надо признать, это меня не на шутку задело. Выбило из колеи.

И мне впервые захотелось причинить ей боль. Оскорбить, растоптать, унижить. Чтобы доказать самому себе, что она мне безразлична. Не знаю, почему я все же этого не сделал? Почему промолчал?

Я достаю из кармана джинсов старые мамины наручные часы и впиваюсь взглядом в циферблат.

— Уже пора, — говорю сам себе.

Хотя часы давно не идут.

Просто это уже вошло в привычку: обращаться к этим часам, когда мне бывает плохо или одиноко. Раньше я приходил со своими проблемами к маме, и она всегда утешала или давала совет. И теперь я кажусь самому себе жалким слизнем, выпрашивающим внимание у старых часов и разговаривающим с самим собой, пока никто не слышит. Но мне больше некому довериться в моменты слабости.

Я так и не захожу в кабинет отца. Прохожу мимо. Наши отношения давно стали формальными, холодными. Но едва я делаю несколько шагов по направлению к лестнице, как слышу щелчок двери и шаги. Оборачиваюсь. Это Григорий Новиков, ведущий специалист компании, изобретатель и папин деловой партнер.

Он выходит из кабинета отца, задумчиво жуя губу.

— Эй, привет! — Я останавливаюсь и машу ему рукой.

— О Дин... — рассеянно произносит он. — Как дела?

— Супер, — отвечаю я, приближаясь. — Мы с классом отправляемся в Вивенду: тропики, солнце, мангровые леса.

— И сколько раз в этом году ты уже был там? — спрашивает он, неловко почесывая затылок.

Я улыбаюсь. Эти ученые такие забавные: в их головах рождаются великие открытия, а на то, чтобы причесаться, времени не хватает. Мой отец тоже когда-то был таким, но сейчас он больше бизнесмен, чем физик.

— Два раза, но не отказываться же.

— Да, отдых с классом — это всегда весело, не важно где. Когда вы отправляетесь?

— Сейчас, — пожимаю плечами я. — Все наши, наверное, уже у терминала.

— Тогда я лично проконтролирую процесс. — Григорий хлопает меня по плечу: — Идем.

-5-

Дин

Нашего появления в зоне отправки поначалу никто даже не замечает: одноклассники толпятся возле входа в гейт, заполняя помещение гулом голосов и звонким смехом.

Мне всегда казалось, что лаборатория напоминает зону вылета в аэропорту. Ребята здесь впервые, и по их восхищенным взглядам ясно, что они ошеломлены увиденным за ограждением: много света, высокие потолки, куча электроники, сложных приборов, стерильность и несколько охранни-

- Другие Мы -

ков, которые, прежде чем впустить в зал, как следует всех досматривают.

Я остаюсь у входа, за спинами возбужденных одноклассников, а Григорий обходит толпу и, остановившись непосредственно у входа в огражденную зону, где стоит гейт, напоминающий подсвеченный лампочками каркас лифта, театральным жестом пытается привлечь к себе внимание:

— Друзья!

Но шум не стихает.

Усмехнувшись, я наваливаюсь плечом на рамку металлоискателя, установленного на стыке зон ожидания и отправки.

Справиться с двумя десятками старшеклассников — это вам не обуздать квантовые потоки: дело гораздо более хлопотное, и Григорию приходится на пару секунд включить красные проблесковые маячки, которыми усеяно по всему периметру ограждение гейта. Этого оказывается достаточно, чтобы в помещении воцарилась тишина.

— Благодарю вас, друзья, — поправив очки, говорит ученый и медленно оглядывает толпу. — Меня зовут Григорий, и я рад приветствовать вас в своей лаборатории. «Вильчек Транспортинг» еще не перемещала такое количество туристов за один раз, поэтому я попрошу вас мне помочь. Не нужно кричать, ломиться к телепортационной машине и трогать какое-либо оборудование: это важно для вашей же безопасности.

— А мы отправимся все вместе? Разом? — жуя жвачку, спрашивает Винс.

Григорий находит его взглядом:

— Нет. К сожалению, гейт вмещает всего лишь двух человек, так что мы с моей командой отправим вас всех по очереди.

— Отстой! — мычит Винс.

Новиков лишь натягивает на уставшее лицо снисходительную улыбку:

— Мы непременно учтем ваше ценное замечание при создании новых версий аппарата. А пока...

— Скажите, это больно? — выкрикивает кто-то из толпы.

Ученый вытягивает шею, чтобы обнаружить источник звука, но, так и не вычислив трусишку, качает головой:

— Совершенно безболезненно, уверяю вас. К тому же процесс перемещения находится под контролем на каждом этапе. — Он подходит к монитору: — Ниночка?

Его ассистентка, кротно кивнув, делает шаг в кабину гейта, чтобы продемонстрировать, как все будет происходить.

— Мы видим на экране все ваши жизненные показатели. — Григорий указывает на значения и диаграммы. — Ритм сердца, давление, уровень звуковых и световых волн, на них воздействующих. — Он встает за пульт, нажимает несколько кнопок, и на экране появляется силуэт ассистентки. — Когда вы окажетесь в контуре, мощность будет подаваться ровно на заданные параметры. Во время перемещения ваше тело начнет дрожать, и вы почувствуете легкое покалывание, но все прекратится через пару секунд.

Он нажимает на пульт, и монитор гаснет. Нина выходит из гейта, залитого ярким светом.

— Всего мгновение, и вы очутитесь в принимающей лаборатории, — с улыбкой добавляет она. — Максимум, что может случиться: у вас закружится голова, накатит усталость или будет двоиться в глазах. Но и то и другое просто с непривычки. Те, кто

- Другие Мы -

путешествует регулярно, не отмечают каких-либо побочных действий.

— Для этого мы и собрали результаты ваших медицинских исследований, — поясняет Григорий, обращаясь к толпе учеников и потрясая в воздухе пачкой справок. — Перемещаемые объекты должны иметь хорошие физические показатели.

— Проще говоря, — бросает на него извиняющийся взгляд ассистентка, — если у вас хороший вестибулярный аппарат и нет хронических заболеваний внутренних органов, то и проблем быть не должно.

— Требования как к астронавтам! — усмехается Саша.

— Не такие строгие, — с теплом улыбается Нина. — И не требуется длительная подготовка. Но здоровье, безусловно, важно, ведь мы несем ответственность за вашу жизнь.

— И еще, — прерывает ее Григорий. — Все электронные устройства мы попросим вас оставить в контейнере, стоящем на столе в середине зала. Наша служба безопасности сохранит их до вашего возвращения, а в месте прибытия вас обеспечат всем необходимым. Таковы правила, — добавляет он, едва кто-то в толпе начинает жалобно стонать.

— Но как же я проживу неделю без соцсетей? — возмущается Артур.

— Вы можете рискнуть, молодой человек, и взять телефон с собой, — хмыкает Новиков. — Если, конечно, желаете создать парадокс, который расщепит пространство и уничтожит всю вселенную.

— О-о...

— Шутка, — спешит успокоить присутствующих ученый. — Но все же лучше не экспериментировать. Мы ведь не хотим, чтобы что-то пошло не так, да?

— Да у-уж!

— Еще вопросы? — Он оглядывает толпу.

Ребята шепчутся, но никто не торопится высказываться. Никто, кроме Люси. Она робко тянет руку.

— Ну же! Смелее! — подбадривает ее Григорий.

— Я... — Люси прочищает горло. — Я читала, что... душа не имеет массы. Возможно ли такое, что при перемещении кто-то из нас или все мы потеряем наши души?

Толпа начинает грохотать: ребята встречают ее вопрос смехом.

— Ведь тело, имеющее массу, переместится в пространстве, а душа может зависнуть где-то и потеряться... и... — продолжает говорить Люси, но ее тонкий голосок теряется в шуме.

Я выпрямляюсь. Делаю шаг в сторону, чтобы видеть ее лицо, но оно занавешено волосами. Люси тяжело дышит, но не опускает плечи — может, она и сморозила глупость, но явно настроена бороться за нее до конца.

— Тише, молодые люди! — просит Григорий. — Мне нравится ваша теория...

— Люси, — подсказывает девчонка.

— Мне нравится ваша теория, Люси, — позволяет себе улыбнуться ученый, — но она исходит из того, что у нас есть душа, а это не доказано. И противоречит физическим законам нашего мира.

— Но ведь и сама телепортация противоречит им! — напоминает она.

Теперь я тоже улыбаюсь.

— Телепортация предполагает сверхсветовое перемещение и требует мгновенных затрат слишком большого количества энергии, — терпеливо поясняет Григорий. — Если в точке отправления кван-

- Другие Мы -

товое состояние разрушается, то оно непременно воссоздается в точке приема.

— Вы проверяли? — не сдается Люси.

Новиков снисходительно вздыхает, думая, что ответить.

— Что именно? — вдруг вмешиваюсь я. — Есть ли душа у тех, кто вернулся из такого путешествия?

Все оборачиваются. В том числе и Люси.

— Тебя проверять бессмысленно, — вцепившись в свой идиотский стакан с лимонадом, цедит она. — У тебя ее и нет. Души.

— Любые частицы, — парирую я, — являются одновременно и частицами и волнами. Так ведь, Григорий?

Новиков с улыбкой кивает.

— Переместить человека означает переместить все частицы, из которых он состоит, — говорю я, двигаясь в сторону Люси. — Но согласно квантовой теории сами частицы не репрезентируют саму личность, ведь все объекты состоят из одних и тех же элементарных частиц — они лишь описываются квантовым состоянием частиц, из которых состоят. Следовательно, перемещение — лишь реконструкция квантового состояния этих частиц и воссоздание этого состояния на удаленном расстоянии.

— Ты всегда используешь длинные словосочетания, чтобы казаться умным? — хмурится Люси, каким-то образом умудряясь смотреть на меня сверху вниз.

— Другими словами, телепортация — это просто двери, ведущие в другое место, — хмыкаю я. — Так-то.

— То есть ты не веришь, что у нас есть душа? — фыркает она.

Я останавливаюсь перед девушкой:

— Ее существование еще никто не доказал.

— Это не значит, что ее не существует, — прищуривается Люси.

Ее ореховые глаза мечут в меня молнии.

— Значит, — киваю я с ухмылкой победителя. — Докажи обратное или откажись от путешествия. Всем только станет легче.

— Да! — слышится в толпе голос Саши. — Прочь, зануда!

— Жизнь — отстой, Люсинда, — улыбаюсь я ей в лицо. — Прими поражение достойно.

— Жизнь — отстой, но она еще тяжелее, если ты глуп! — надув губы, с жаром восклицает она.

— Не злись, я просто бездушный.

— Кто бы сомневался. — Ее взгляд полон ненависти, грудь высоко вздымается на вдохе.

— Если беспокоишься за свою душу, то выход — там, — указываю я ей через плечо.

Ребята смеются, и я собираюсь последовать их примеру, как вдруг Люси подается вперед, ее рука дергается, и содержимое ее стакана оказывается на моих джинсах.

— Совсем ошалела? — отталкивая ее от себя, ору я.

— Я не... — Она оглядывается куда-то за спину. — Это не я...

— Больная! Если ты не в силах принять поражение, это не значит, что нужно плескать на меня газировкой!

Одноклассники гудят. Пятно расплывается, и я чувствую, как джинсы липнут к ногам. Поднимаю взгляд — Люси действительно выглядит растерянной.

— Пожалуйста, тише! — появляясь из толпы, просит ассистентка Нина. — Дин, ты можешь пой-

- Другие Мы -

ти в уборную и привести себя в порядок, а я пока расскажу ребятам об акклиматизации, которая их ждет в Вивенде. Иди.

Она подталкивает меня к выходу, и мне приходится повиноваться.

— Я с тобой! — семенит за мной Саша, пытаясь ухватить меня за локоть.

— Нет, останься, — рывкаю я, стряхивая ее со своей руки точно надоедливое насекомое.

— Дин...

— Сейчас в Брайт Фоллз вечер, но когда вы прибудете в место назначения, там будет утро. Чтобы привести организм в порядок после бессонной ночи... — Голос Нины обрывается, оставшись за дверью.

Я, со злости сжав зубы, спешу по коридору в сторону уборной.

— Дин! — раздается вдруг за спиной.

— Да что еще?! — оборачиваюсь я.

Передо мной стоит Люси.

-6-

Дин

Она мнет руками злополучный стаканчик, ее щеки горят.

— А тебе-то чего? — сердито спрашиваю я.

Проходящие мимо сотрудники лаборатории оглядываются на меня с недоумением, но решают не вмешиваться.

— Я... — спотыкается на полуслове Люси.

Она подходит ближе. Ее ресницы такие темные, что кажутся мокрыми. Их трепет завораживает.

— Не мямли! — рычу я.